

Джеймс Хэдли
Чейз

Еще один
простофиля

Иностранная литература. Классика детектива

Джеймс Чейз

Еще один простофиля

«Азбука-Аттикус»

1962

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Еще один простофиля / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1962 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-15596-1

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедукцию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15596-1

© Чейз Д. Х., 1962
© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	11
Глава вторая	16
I	16
II	21
Глава третья	25
I	25
II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джеймс Хэдли Чейз

Еще один простофиля

James Hadley Chase
JUST ANOTHER SUCKER
Copyright © Hervey Raymond, 1961

© А. Герасимов, перевод, 2018
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство Иностранка®

Глава первая

I

Июльским утром, в восемь часов, когда я вышел на свободу, дождь хлестал как из ведра. Со странным чувством возвращался я в мир, который остался в моей памяти таким, каким он был три с половиной года назад. Я вступал в него с опаской; отойдя на несколько шагов от окованных железом ворот, я замер, чтобы глубже вдохнуть запах воли.

Остановка автобуса, который шел на мою улицу, находилась за углом, но сейчас меня не тянуло домой. Хотелось просто постоять на тротуаре, ощутить на лице капли дождя и до конца проникнуться сознанием того, что я свободен, что мне больше не придется проводить ночи в камере и жить одной жизнью с убийцами, грабителями и извращенцами.

На дороге образовались лужи. Капли падали мне на шляпу, которой было четыре года, и на плащ, купленный пять лет назад; этот теплый дождь с затянутого тучами неба, такого же мрачного, как я.

Сверкающий «бьюик-сенчери» плавно затормозил возле меня, и стекло, оснащенное электрическим приводом, мягко опустилось.

– Хэрри!

Дверца автомобиля распахнулась, и я нагнулся, чтобы разглядеть водителя.

Мне улыбался Джон Реник.

– Садись, вымокнешь, – сказал он.

Поколебавшись, я сел в машину и захлопнул дверцу. Реник схватил меня за руку и сжал ее. Его худое смуглое лицо светилось радостью от встречи со мной.

– Как сам, старина? – спросил он. – Как дышится на воле?

– Нормально, – сказал я, высвобождая руку. – Только не говори, что тебе поручили отвезти меня домой.

Своим тоном я едва не стер улыбку с его лица; пронизательные серые глаза Реника изучающе смотрели на меня.

– Ты же знал, что я приеду, верно? Я считал дни.

– Ничего я не знал.

Я посмотрел на шикарную приборную панель машины.

– Твоя?

– А то чья же! Купил пару месяцев назад. Правда, красавица?

– Видно, полицейские Палм-Сити по-прежнему себя не обижают. Мои поздравления.

Реник сжал губы, глаза его оскорбленно вспыхнули.

– Знаешь, Хэрри, скажи мне такое кто-нибудь другой, а не ты, я бы ему врезал.

Я пожал плечами:

– Тогда можешь начинать. Я привык получать тумачи от полицейских.

Он втянул в себя воздух и сказал:

– Прими к сведению, теперь я – помощник окружного прокурора; я получил солидную прибавку к жалованью. Из полиции ушел более двух лет назад.

Я с раздражением почувствовал, что кровь прилила к моим щекам.

– Понимаю... Извини... Не знал.

– Откуда тебе знать?

Он усмехнулся и включил скорость. «Бьюик» отплыл от тротуара.

– Многое переменялось, Хэрри, пока ты сидел. Старая шайка ушла. У нас новый окружной прокурор. Он – порядочный человек.

Я промолчал.

– Какие у тебя планы? – внезапно спросил он.

– Никаких. Хочу осмотреться. Ты знаешь, что «Геральд» отказалась от меня?

– Слыхал.

Помолчав, он продолжил:

– На первых порах тебе будет несладко. Ты ведь это понимаешь?

– Ну конечно. Если человек убил полицейского, даже случайно, ему это так быстро не забудут. Я знаю, что меня ждет.

– Неприятностей с полицией у тебя не будет. Я имел в виду другое – тебе придется подыскать новое занятие. Кьюбитт пользуется большим влиянием. У него на тебя зуб. Он сделает все от него зависящее, чтобы ты не вернулся в газетный мир.

– Это уже мои трудности.

– Я могу оказаться полезен.

– Мне не нужна помощь.

– Конечно, но есть Нина...

– О Нине я тоже сам позабочусь.

Некоторое время Реник молча смотрел на залитое дождем ветровое стекло, потом сказал:

– Слушай, Хэрри, мы же с тобой друзья. Мы сто лет знакомы. Я представляю, что у тебя в душе творится, но не держись ты так, словно я твой враг. Я говорил о тебе с Медоузом. Это наш новый окружной прокурор. Ручаться не могу, но есть шанс, что для тебя найдется работа у нас.

Я посмотрел на него.

– Я не стану работать на администрацию Палм-Сити, даже если это будет единственная работа, какая мне осталась на земле.

– Нине пришлось туго, – смущенно сказал Реник. – Она...

– Нам обоим изрядно досталось. Мне не нужна ничья помощь. И достаточно об этом.

– Ну ладно, – сказал Реник и бессильно развел руками. – Не думай, будто я тебя не понимаю, Хэрри. Наверно, я бы тоже обозлился, если бы мне подстроили такое, но это дело прошлого. Теперь ты должен думать о своем будущем – и о Нинином тоже.

– А о чем еще, ты полагаешь, я думал все время, пока сидел в камере?

Я посмотрел из окна машины на море, стальное в непогоду; волны разбивались о набережную.

– Да, я озлоблен. Мне хватило времени понять, каким же безмозглым болваном я был. И что я не взял те десять тысяч долларов, которыми комиссар полиции хотел заткнуть мне рот. Да, кое-чему тюрьма меня научила: таким простофилей я больше не окажусь.

– Ерунду мелешь, – резко сказал Реник. – Сам знаешь, что поступил правильно. Просто расклад был не в твою пользу. Если бы ты взял деньги у этого негодяя, ты не смог бы жить в согласии с собой, и тебе это известно.

– Ты так считаешь? Не обманывай себя, будто теперь у меня на душе благодать. Три с половиной года в одной камере с человеком, насилловавшим детей, и двумя такими типами, что и свинью наизнанку вывернет, если она увидит их забавы, – это бесследно не проходит. Во всяком случае, прими я эту взятку, я не был бы сейчас безработным бывшим заключенным. Возможно, имел бы такой вот автомобиль.

Реник смутился:

– Не надо так говорить, Хэрри. Я волнуюсь за тебя. Ради бога, возьми себя в руки, прежде чем пойдешь к Нине.

– Может, не будешь лезть в чужие дела? – сказал я. – Между прочим, Нина – моя жена. Она выходила за меня, на радость и на горе. Ну хватит. Позволь мне самому о ней думать.

– Я считаю, Хэрри, зря ты запретил ей присутствовать на суде, навещать тебя в тюрьме и писать письма. Ты знаешь не хуже меня – она хотела разделить с тобой все, но ты сделал из нее стороннего наблюдателя.

Мои пальцы сжались в кулак. Я продолжал смотреть на залитую дождем набережную.

– Я знал, что делал, – сказал я. – Мог я допустить, чтобы ее фотографировали на суде? Или чтобы она увидела меня в арестантской робе, за проволокой и стеклом? Чтобы подок-надзиратель читал ее письма, прежде чем их получу я? И если я вел себя как наивный болван, это еще не повод впутывать сюда ее.

– Ты ошибался, Хэрри. Неужели тебе не приходило в голову, что она хочет быть рядом с тобой? – с раздражением сказал Реник. – Я едва уговорил ее не ехать сюда со мной сегодня.

Мы приближались к Палм-Бэй, роскошному жилому району Палм-Сити. Длинный ряд кабинок для переодевания выглядел уныло в проливной дождь. Пляж опустел. «Кадиллаки», «роллс-ройсы» и «бентли» мокли на стоянках возле дорогих отелей.

Когда-то кварталы Палм-Бэй были моими охотничьими угодьями. Я вел светскую хронику в «Геральд», самой популярной калифорнийской газете. Моя колонка перепечатывалась сотней газет с меньшими тиражами. Я прилично зарабатывал и жил в свое удовольствие. После женитьбы на Нине я купил неподалеку от Палм-Бэй домик с верандой. Все складывалось прекрасно, и я с уверенностью смотрел в будущее. Вдруг однажды вечером, сидя в баре «Бич-отеля», я случайно услышал обрывок разговора, который шел на повышенных тонах между двумя подвыпившими посетителями.

Те несколько фраз сыграли роковую роль. Два месяца втайне ото всех я вел напряженное расследование. Материал обещал стать сенсацией для «Геральд».

Чикагская мафия готовилась прибрать к рукам Палм-Сити: установить игральные автоматы, открыть публичные дома и прочие значные места. Предполагали, что месячная выручка составит два с половиной миллиона долларов.

Убедившись в достоверности услышанного, я решил, что мафия сошла с ума. Я отказывался поверить, что преступники могут просто так, среди бела дня, прийти и сделать город своей вотчиной. Затем кое-кто намекнул мне, что мафия подкупила комиссара полиции, а также полдюжины важных чиновников, и заручилась их поддержкой.

И тут я сделал главную ошибку – я попытался продолжить расследование на свой страх и риск. Я не хотел ни с кем делиться сенсацией и пошел к Дж. Мэтью Кьюбитту, моему шефу и владельцу «Геральд», лишь после того, как собрал весь необходимый материал и сделал набросок статей, разоблачающих преступный сговор.

Я рассказал ему о том, что замышлялось; он слушал меня с мрачным, безучастным видом.

Когда я кончил, он сказал, что мои данные надо проверить. Его сухость и отсутствие энтузиазма должны были насторожить меня. Хотя я копал достаточно глубоко и сумел разговорить множество людей, я знал не все. Мафия купила «Геральд». Такое мне и в голову не приходило. Позже я узнал, что Кьюбитту в награду за содействие было обещано место в сенате, и для алчного, тщеславного газетчика этого оказалось достаточно.

Он попросил меня передать ему всю информацию для проверки. По дороге домой – я поехал за бумагами – меня остановила полиция.

«Вас хочет видеть комиссар», – сказали мне. В сопровождении патрульной машины я отправился в Главное управление, где состоялась моя беседа с комиссаром.

Он был человек простой и не стал ходить вокруг да около. Без лишних слов комиссар выложил на стол десять тысяч долларов новенькими хрустящими банкнотами. Он покупает мое досье, а я должен забыть о расследовании. Ну что, по рукам?

Я никогда в жизни не брал взяток и не собирался начинать это сейчас, к тому же я знал, что благодаря этим статьям мое имя несколько недель не будет сходиться с газетных полос и я займу ведущее положение в репортерском мире. Я поднялся и вышел на улицу, навстречу беде.

Я передал материалы Кьюбитту и рассказал ему о взятке, предложенной комиссаром полиции. Владелец газеты хмуро посмотрел на меня, покачал головой и попросил зайти к нему домой в половине одиннадцатого вечера. К этому времени я должен обдумать план дальнейших действий. Я полагаю, он сжег мои бумаги. Больше я их никогда не видел.

С самого начала я держал Нину в курсе моего расследования. Она видела, что я имею дело с динамитом, и смертельно боялась беды, но, понимая, что это мой шанс, Нина поддерживала меня.

Часов в девять я отправился к Кьюбитту. Нина проводила меня до машины, и я чувствовал, что ей страшно. У меня тоже было тревожно на душе, но я доверял Кьюбитту.

Его дом находился в Палм-Бэй. Туда вела пустынная дорога. На ней-то все и произошло.

Полицейский автомобиль, шедший с большой скоростью, догнал меня и ударил в бок. Вероятно, они хотели столкнуть мою машину с шоссе в океан, но это у них не вышло. Авария была серьезной, водитель-полицейский повредил грудную клетку о рулевое колесо. Его напарник отделался легким испугом. Он задержал меня за опасную езду. Я понимал, что все это подстроено, но ничего не мог сделать. Через пару минут появилась вторая полицейская машина, за рулем которой сидел сержант Бейлис из отдела по расследованию убийств. Никто даже не спросил его, как он оказался на этой пустынной дороге.

Бейлис взял дело в свои руки. Пострадавшего полицейского отправили в больницу, а меня повезли в Главное управление. Внезапно Бейлис приказал водителю остановиться. Мы были на темной безлюдной улице. Вслед за Бейлисом из машины вышел шофер. Он держал меня сзади, скрутив мне руки. Бейлис вынул из бардачка бутылку виски, набрал жидкость в рот и обрызгал мое лицо и рубашку. Затем взял дубинку и стукнул ею меня по голове.

Очнувшись в тюремной камере, я понял, что влип всерьез. Водитель-полицейский скончался. На меня повесили убийство и дали четыре года. Адвокат, защищавший меня, дрался как тигр, но ничего не добился. Стоило ему заикнуться о преступном сговоре, как его тут же оборвали. Кьюбитт показал под присягой, что никогда не видел моего досье, и добавил, что собирался уволить меня как недобросовестного работника и тайного алкоголика.

Отсидев свой срок, я частенько думал, каким же я был простаком. Я говорил себе, что только сумасшедший мог пытаться в одиночку бороться с властями.

Мне не стало легче, когда я узнал, что под давлением общественности комиссар полиции подал в отставку, а состав городских властей претерпел значительные изменения. По заявлениям моего адвоката было проведено расследование, и чикагская мафия решила перебраться в другое место, но мое положение от этого не улучшилось. Я мотал свой срок, который мне дали за то, что я убил полицейского, управляя автомобилем в состоянии опьянения, и никто не мог мне ничем помочь.

Теперь, после трех с половиной лет, проведенных в камере, я снова оказался на свободе. Журналистика была единственным ремеслом, которым я владел. Кьюбитт занес мою фамилию в черный список; мне не приходилось рассчитывать на место в какой-нибудь газете. Я не представлял, чем мне заняться. До тюрьмы я прилично зарабатывал, но и тратил изрядно. Я оставил Нине мало денег. К моменту моего освобождения вряд ли что уцелело от этой суммы. Я тревожился за Нину, думал о том, как она живет одна, но моя глупость и упрямство заставляли меня настоять через адвоката на том, чтобы она мне не писала. Когда я представлял себе, как толстый садист-тюремщик читает ее письма, мне делалось дурно.

Я спросил Реника:

– Как у нее дела? Как она живет?

– Неплохо, – сказал он. – Ты ведь не сомневался в этом, да? Нина открыла в себе талант живописца. Она разрисовывает гончарные изделия и недурно этим зарабатывает.

«Бьюик» свернул на улицу, где находился мой дом.

При виде моего бунгало у меня комок подкатил к горлу. Знакомая улица была безлюдной. Дождь лил серой стеной на проезжую часть и тротуар.

Реник затормозил возле ворот.

– Еще увидимся, – сказал он и сжал мою руку. – Везучий ты, Хэрри. Хотел бы я, чтобы меня ждал такой человек, как твоя Нина.

Я вылез из машины и зашагал, не оборачиваясь, по дорожке. Входная дверь распахнулась, и на пороге появилась Нина.

II

На седьмое утро после моего выхода из тюрьмы я внезапно проснулся в шесть тридцать. Мне снилось, что я снова в камере, и лишь через несколько мгновений я понял, что нахожусь у себя дома, рядом со спящей Ниной.

Я лег на спину, устался в потолок и начал, как и в предыдущие шесть дней, размышлять, каким способом буду зарабатывать на жизнь. Я уже зондировал почву в мире журналистики. Как я и предполагал, для меня там работы не было. Кьюбитт далеко протянул свои щупальца. Даже незначительная местная газета боялась иметь со мной дело.

У меня не оставалось большого выбора. Я умел писать, но не был беллетристом. Я – репортер. Чтобы сочинить стоящий текст, мне нужны факты. Без поддержки газеты я работать не могу.

Я посмотрел на спящую Нину.

Мы поженились за два года и три месяца до тюрьмы. Тогда Нине было двадцать два, мне – двадцать семь.

Нинины темные волосы слегка вились, а кожа имела оттенок слоновой кости. Мы оба считали, что она не была красавицей в общепринятом значении этого слова, но я говорил, да и теперь так думаю, что Нина – самая привлекательная женщина из всех, кого я когда-либо видел. Наблюдая за ней сейчас, я мог видеть, как она страдала эти годы. Кожа вокруг глаз огрубела. Возле рта появилась складка, которая отсутствовала до моего ареста. Нина во сне выглядела печальной: прежде такого не бывало.

Ей действительно порядком досталось. Я оставил на нашем общем счете три тысячи долларов, но они быстро кончились – на гонорар моему адвокату и последний взнос за дом ушло почти все, и Нине пришлось искать работу.

Она сменила несколько мест, пока наконец, как рассказал Реник, не обнаружила у себя способности к рисованию, и получила заказ у человека, который продавал туристам гончарные изделия. Он изготавливал их, а Нина расписывала. Последний год ей платили шестьдесят долларов в неделю: достаточно, по ее словам, чтобы продержаться нам обоим, пока я не встану на ноги.

Сейчас на моем счете лежало двести долларов. Если я не найду работу, прежде чем истрочу их, придется просить у Нины деньги на автобус, сигареты и т. п. – такая перспектива угнетала меня.

Днем раньше, в состоянии, близком к отчаянию, я пытался устроиться куда-нибудь хотя бы временно – лишь бы раздобыть немного денег.

Пробежав весь день, я вернулся домой ни с чем. Меня слишком хорошо знали в Палм-Сити, чтобы предложить черную работу. Люди, которые нуждались в рабочих руках, увидев меня, приходили в смущение.

– Ну, мистер Барбер, вы смеетесь, – говорили мне. – Это дело не для вас.

У меня не хватало мужества признаться, как крепко я сел на мель, и они испытывали облегчение, когда я уходил с шуткой.

– О чем задумался, Хэрри? – спросила Нина, поворачиваясь ко мне лицом.

– Ни о чем. Я дремал.

– Напрасно ты беспокоишься. Как-нибудь выкарабкаемся. Нам вполне хватает шестидесяти долларов в неделю. С голоду мы не умрем. Наберись терпения. Тебе обязательно подвернется стоящая работа.

– А пока я буду дожидаться стоящей работы, мне придется сидеть у тебя на шее, – сказал я. – Это замечательно. Я просто в восторге.

Она подняла голову и посмотрела на меня с тревогой.

– Я же твой друг, Хэрри. Когда ты найдешь работу, я брошу свою. А до тех пор буду расписывать горшки. На то мы и друзья.

– Спасибо, что разъяснила.

– Хэрри... ты меня волнуешь. Ты сам не отдаешь себе отчета, как ты изменился. В тебе столько злости и горечи. Ты должен постараться забыть. У нас вся жизнь впереди, и это твое отношение...

– Понимаю.

Я встал с кровати.

– Извини. Возможно, после трех с половиной лет тюрьмы и ты стала бы такой. Я сварю кофе. Будет от меня хоть какая-то польза.

Все это происходило со мной два года назад. Возвращаясь мыслями к тому времени и воспринимая все в ином свете, я понимаю, каким же слабаком я оказался. Я позволил той расставленной мне ловушке и тюремному заключению сломить себя. Не было во мне злости и горечи. Меня съедала жалость к себе.

Будь я крепче на излом, я продал бы бунгало, отправился с Ниной в какое-нибудь место, где меня никто не знает, и начал бы новую карьеру. Вместо этого в роли великомученика я шатался в поисках работы, которой не было для меня в этом городе.

Следующие десять дней я бродил, делая вид, будто ищу мифическую работу. Я говорил Нине, что весь день провожу в поисках, но на самом деле, сделав пару звонков и получив отказ, находил пристанище в ближайшем баре.

Когда я служил в газете, я редко выпивал, но теперь пристрастился к спиртному. Виски стало для меня волшебным избавителем от реальности. После пяти-шести рюмок ничто меня не трогало. Мне становилось все равно, есть у меня работа или нет; я мог вернуться домой и, не чувствуя себя подлецом, наблюдать за тем, как вкалывает Нина.

Порядком поднакачавшись, я с большей легкостью врал ей.

– Сегодня утром я говорил с одним парнем; похоже, мы с ним столкнемся, – сообщал я Нине. – Он переговорит с партнером и закажет мне серию статей об их гостинице. Если дело выгорит, это верные триста в неделю.

Не существовало в природе ни парня, ни партнера, ни гостиницы, но обман придавал мне вес, а для моего «я» было необходимо оставаться в глазах Нины значительным. Даже будучи вынужденным брать у нее десять долларов, я пытался сохранить свое лицо, заверяя ее, что вот-вот получу деньги.

Но со временем однообразная ложь теряет свежесть, и я начал понимать, что Нина мне не верит. Она совершала ошибку, притворяясь будто ни о чем не догадывается. Ей бы разоблачить меня, и тогда я вернулся бы из мира иллюзий, но она не делала этого, и я продолжал пить, обманывать ее и катиться вниз.

И вот однажды днем, когда я сидел в баре и смотрел на море, началась та история, которую я собираюсь рассказать.

К шести часам вечера я уже изрядно набрался. Пропустив восемь рюмок виски, я созрел для девятой.

Мне нравился этот маленький, тихий, немного запущенный бар. Никто не мешал мне сидеть в углу и смотреть через открытое окно на людей, отдыхающих на пляже. Я заходил сюда пятый день подряд. Бармен – высокий полный мужчина с лысиной на голове – узнавал меня. Он, казалось, понимал мою тягу к виски. Стоило мне прикончить очередную рюмку, как он подносил мне следующую.

В баре было мало народу. Время от времени забредал новый посетитель; выпив и посидев недолго, он выходил на улицу. Это были люди вроде меня – без якоря, одинокие, старающиеся убить время.

В углу, возле моего столика, находилась телефонная кабина. Из-за стойки бара она не просматривалась. Она редко пустовала. Мужчины, женщины, парни и девчонки заходили в будку, звонили, а затем покидали ее. Автомат был самым оживленным местом в баре.

Потягивая виски, я наблюдал за будкой: это занимало меня. Давая волю разбухшему алкоголем воображению, я старался угадать, что за человек стоит за застекленной дверью, о чем он говорит. Я наблюдал за выражением его лица. Некоторые, разговаривая, улыбались, другие нервничали, третьи, казалось, неубедительно врали, как это делал я. У меня на глазах разыгрывался спектакль.

Бармен поставил передо мной девятую рюмку. На этот раз он застыл у столика, и я понял, что пора расплачиваться. Я протянул ему последнюю пятидолларовую бумажку. Он заговорщически улыбнулся, отсчитывая сдачу. По его улыбке я понял, что он умеет распознать в посетителе законченного алкаша. У меня возникло желание подняться и захватить кулаком в его тупую рожу, но я взял сдачу; когда же я стал искать мелкую монету для чаевых, он снова улыбнулся мне и направился к стойке.

Именно в этот момент, когда я почувствовал, что бармен понимает, какую пьянь он обслуживает, мне стало дьявольски стыдно. Я испытывал такой непереносимый стыд, что готов был выйти из бара и броситься под автомобиль, но такой поступок требует мужества, а мое мужество осталось в камере номер 114. Я не брошусь под машину, а останусь сидеть здесь и пить до оупения. Это приятнее и легче.

В бар зашла женщина. Она направилась к телефонной кабине и захлопнула за собой дверь.

На ней был облегающий свитер канареечного цвета и белые брюки. Глаза ее скрывали солнцезащитные очки; в руках женщина держала бело-желтую пластиковую сумочку.

Ее крепкие, пышные, туго обтянутые брюками бедра сразу привлекли мое внимание. Даже трезвый и уважающий себя человек не смог бы оторвать взгляда от ее *derrière*¹, когда она шла к телефонной будке.

Я же был человеком пьяным и опустившимся, поэтому пялился без стеснения. Женщина закрыла за собой дверь будки, и я, потеряв из виду эту часть ее тела, поднял глаза, чтобы рассмотреть лицо незнакомки.

Она была весьма привлекательной блондинкой лет тридцати трех с идеальным, немного холодным профилем.

Я отпил половину девятой рюмки и снова стал наблюдать за женщиной. Я не мог определить, приятен ей разговор или нет. Солнцезащитные очки делали догадки невозможными; она говорила кратко, деловито и провела у телефона меньше минуты. Выйдя из будки, она прошла мимо моего столика, не удостоив меня взглядом. Какую-то пару секунд я любовался ее стройной спиной и крутыми изгибами бедер, пока женщина не скрылась за дверью бара.

Я достаточно много выпил, чтобы подумать: будь я холост, обязательно приударил бы за ней. Женщина с такой фигурой, самообладанием и лицом, рассуждал я, должна быть восхитительной в постели. Если это не так, то жизнь – еще большая иллюзия, чем я представлял.

Любопытно, кто она. Одежда на ней дорогая. Такую бело-желтую сумочку не купишь в лавке старьевщика.

Бело-желтая сумочка.

Женщина внесла ее в будку, но я не заметил сумочки, когда она выходила.

Я так нагрузился, что думать стало для меня непосильным трудом. Я наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Она зашла в будку с сумочкой в правой руке. Вышла она с пустыми руками, это точно.

¹ Ягодицы (фр.). (Примеч. переводчика.)

Я прикончил виски и дрожащими руками зажег сигарету. «Ну и что? – сказал я себе. – Возможно, я не заметил сумочку».

Внезапно сумочка приобрела для меня значение. Она стала важна, потому что я хотел доказать себе, что пьян не совсем уж вдрабадан.

Я неуверенно поднялся на ноги, прошел к будке и открыл дверь. Сумочка лежала на полке.

«Ну, сукин сын, – сказал я себе, – ты же трезв как стеклышко. Ты сразу заметил, что она оставила ее. Ты же держишь выпивку как... как... в общем, голова у тебя крепкая».

«Теперь надо, – продолжал я говорить сам себе, – заглянуть в сумочку и выяснить, кто эта женщина. Потом взять сумочку и, сообщив бармену, что она забыла ее в будке – иначе полицейский, увидев на улице мужчину с дамской сумочкой, может его зацапать, – отнести ее женщине домой. И кто знает, может, она отблагодарит за это чем-то более существенным, чем поцелуй».

Вот до каких мыслей я надрался.

Я шагнул в будку, прикрыл за собой дверь и схватил сумочку. Оглянувшись, убедился, что никто за мной не подсматривает. Бывший заключенный Барбер, ежеминутно готовый нажать себе неприятности.

Никто не следил за мной.

Я повернулся к залу спиной, достаточно широкой, чтобы загородить все стекло, и снял трубку; сделав этот хитрый ход и придерживая трубку возле уха, я открыл сумочку и стал изучать ее содержимое.

Там находились золоченые сигаретница и зажигалка, брошь с бриллиантом, стоившая не менее полутора тысяч долларов, водительское удостоверение, пачка купюр – сверху лежала пятидесятидолларовая бумажка. Если остальные имели то же достоинство, в этой симпатичной пухлой пачке было примерно две тысячи.

От одного вида этих денег меня прошиб пот.

Сигаретница, зажигалка и брошь с бриллиантом меня не интересовали – их владельца установить несложно. Но я понял, что толстая пачка денег волнует меня слишком сильно.

С этой суммой в кармане мне не придется завтра утром просить у Нины пятерку. Мне не придется просить у нее денег ни послезавтра, ни в последующие дни. Этих денег мне хватит, чтобы найти работу. Даже если я не брошу пить.

Я не мог двигаться. Меня не просто парализовало, я потерял голову. Если эта богачка такая раззява, что оставила здесь деньги, она заслуживает, чтобы ее обчистили.

Затем откуда-то издали донесся тихий голос, принадлежащий мне: «Ты что, рехнулся? Это же воровство! Если тебя с твоей судимостью схватят, загремишь лет на десять. Положи проклятую сумочку на место и убирайся отсюда! Что с тобой? Хочешь провести в камере еще десять лет?»

Но голос этот был слишком слаб, чтобы оказать на меня воздействие. Я нуждался в этих деньгах, таких доступных. Всего-то надо было взять их из сумочки, спрятать в карман, закрыть сумочку, положить ее обратно на полку и смыться.

Бармен меня не видел. В будку постоянно заходили люди. Деньги мог стащить кто угодно.

Мне захотелось взять их.

Они были так нужны мне.

И я взял их.

Я сунул пачку в карман и закрыл сумочку. Мое сердце билось неистово – я почувствовал себя вором. Над телефоном висело маленькое зеркало. Заметив в зеркале какое-то движение, я посмотрел в него.

Она стояла у меня за спиной и наблюдала за мной. Ее солнцезащитные очки отражались в зеркале двумя зелеными пятнами.

Значит, она не ушла.
Я не знал, давно ли она стоит тут.
Но она стояла тут.

Глава вторая

I

Когда тебя охватывает шок, от которого сжимается сердце, отключается мозг и стынет кровь, какая-то твоя частичка умирает.

Зажав сумочку в руке, я стоял и смотрел, не отрываясь, на пару огромных стекол, отражавшихся в зеркале, и потихоньку умирал.

Я мигом протрезвел. Пары спиртного улетучились мгновенно: казалось, будто бритвой рассекли кисею.

Она позовет бармена, тот обнаружит пачку денег у меня в кармане и вызовет полицейского. А уж легавый позаботится о том, чтобы меня со стопроцентной гарантией снова препроводили в камеру, только на этот раз не на четыре года – срок дадут гораздо больший.

Пальцы негромко забарабанили по стеклу. Поставив сумочку на полку, я повернулся и открыл дверь.

Женщина шагнула в сторону, давая мне выйти из будки.

– Кажется, я оставила тут сумочку, – сказала она.

– Верно. Я уже собирался отдать ее бармену.

Возможно, наилучшим выходом для меня было проскочить мимо нее и выбежать из бара, прежде чем она откроет сумочку и обнаружит пропажу денег. На улице я мог выбросить деньги, и тогда еще неизвестно, кому из нас двоих поверят на слово.

Я сделал первое движение и остановился. Бармен вышел из-за стойки и отрезал мне путь к выходу. Он в недоумении приближался к нам, оставаясь между мной и дверью.

– Этот парень пристает к вам, леди? – спросил бармен.

Она медленно повернула голову. Я почувствовал, что эта женщина в любой ситуации сохраняет выдержку и невозмутимость.

– Нет, что вы. Я по рассеянности забыла сумочку в будке. Джентльмен собирался отдать ее вам на хранение.

Бармен подозрительно посмотрел на меня.

– Правда? – сказал он. – Ладно, поверим.

Я стоял как истукан. У меня так пересохло во рту, что я и слова вымолвить не мог, даже если бы знал, что сказать.

– В сумочке есть ценности, леди? – спросил бармен.

– О да. Я поступила легкомысленно, оставив ее.

В голосе женщины звучал металл. Любопытно, а глаза у нее, если снять очки, такие же жесткие или нет, мелькнуло у меня в голове.

– Вы бы лучше проверили, все ли на месте, – сказал бармен.

Спасет ли меня один хороший удар? – подумал я и решил, что нет. Бармен, похоже, выдержал в свое время множество ударов, и пища явно шла ему впрок.

Она шагнула мимо меня в будку и взяла сумочку.

Я смотрел на женщину с замирающим сердцем. Она вышла из будки, открыла сумочку и заглянула в нее. Своими длинными пальцами с серебристыми ноготками она порылась в сумочке, лицо ее оставалось безучастным.

Бармен, тяжело дыша, посматривал то на меня, то на нее.

«Ну все, – подумал я. – Через полчаса сидеть мне в камере».

– Нет, все на месте, – сказала она и медленно повернула голову в мою сторону. – Благодарю вас. К сожалению, я очень небрежно отношусь к своим вещам.

Я молчал.

Бармен посветлел лицом.

– Все в порядке, леди?

– Да, спасибо. Я полагаю, это надо отметить.

Она посмотрела на меня. Круглые зеленые стекла ее очков не говорили мне ни о чем.

– Вы позволите вас угостить, мистер Барбер?

Значит, она меня знала. Это было неудивительно. В день моего освобождения «Геральд» опубликовала мою фотографию с пояснением, что я выпущен из тюрьмы, где отбывал четырехлетний срок за убийство. Они не забыли упомянуть, что в момент аварии я находился в нетрезвом состоянии. Качественный снимок расположили на первой странице, так что не заметить его было трудно. Еще один подарок от Кьюбитта.

Почувствовав сталь в ее голосе, я решил, что угощение надо принять, и сказал:

– Спасибо, хотя вы мне ничем не обязаны.

Она повернулась к бармену:

– Два хайбола, и побольше льда.

Она прошла мимо бармена к моему столику и села.

Я сел напротив нее.

Она раскрыла сумочку, вытащила сигаретницу и протянула ее мне.

Мы оба взяли по сигарете. Она зажгла золоченой зажигалкой сначала мою, потом свою; бармен принес бокалы. Он поставил их на стол и удалился.

– Как вы себя чувствуете, мистер Барбер, на свободе? – спросила она, выпуская дым из ноздрей.

– Нормально.

– Я вижу, вы больше не работаете в газете.

– Да.

Она наклонила бокал, звякнув кубиками льда, и стала разглядывать его, словно он интересовал ее больше, чем я.

– Я заметила, вы частенько сюда заходите.

Она указала серебряным ноготком в сторону окна.

– Я снимаю пляжный домик неподалеку.

– Это, наверно, удобно.

Она подняла бокал и немного отпила из него.

– Означают ли ваши частые визиты сюда, что вы еще не подыскали себе работу?

– Да, это так.

– Надеетесь найти ее в ближайшее время?

– Надеюсь.

– Это, должно быть, непросто.

– Верно.

– Если бы вам предложили работу, вас это заинтересовало бы?

– Что-то не понимаю. Вы предлагаете мне работу?

– Возможно. Вас это интересует?

Я потянулся рукой к хайболу, но тут же раздумал пить. Я и так уже сегодня порядочно принял.

– Какую именно?

– Высокооплачиваемую, абсолютно конфиденциальную, с долей риска. Последнее обстоятельство вас не смущает?

– Вы хотите сказать, это что-то противозаконное?

– О нет... ничего противозаконного в ней нет... совершенно ничего.

– Это мне ни о чем не говорит. Тогда в чем риск? Я согласен на любую работу, но я должен знать, что мне предстоит делать.

– Понимаю.

Она отпила немного из бокала.

– Вы совсем не пьете, мистер Барбер.

– Я знаю. В чем заключается ваша работа?

– Сейчас у меня мало времени, да и этот бар не слишком-то подходит для доверительной беседы, правда? Разрешите вам как-нибудь позвонить. Мы можем встретиться в более удобном месте.

– Мой телефон в справочнике.

– Тогда я так и сделаю. Вероятно, завтра. Вы будете дома?

– Постараюсь.

– Я заплачу.

Она открыла сумочку и замерла, нахмурившись.

– О, совсем забыла.

– А я нет.

Я извлек пачку из кармана и бросил ей на колени.

– Спасибо.

Она вынула из-под пятидесятидолларовой купюры пятерку, положила ее на стол, кинула остальные деньги в сумочку и, закрыв ее, поднялась из-за столика.

Я тоже встал.

– Тогда до завтра, мистер Барбер.

Она повернулась и вышла из бара. Я наблюдал за тем, как она переходит улицу, соблазнительно покачивая аппетитными бедрами, и направляется неторопливым шагом к автостоянке. Я подошел к стеклянной двери бара. Она села в серебристо-серый «роллс-ройс» и уехала. Я смотрел ей вслед, пораженный, но не настолько, чтобы не запомнить номер ее машины.

Я вернулся к столику и сел, почувствовав слабость в коленях. Выпил немного хайбола и зажег сигарету.

Подошел бармен и забрал пятерку.

– Хороша крошка, пальчики оближешь, – сказал он. – Похоже, денег у нее куры не клюют. Ты с ней столкнулся? Получишь вознаграждение?

Я смерил его долгим взглядом, поднялся и ушел. К вашему сведению – больше я туда ни ногой. Когда я прохожу мимо этого бара, мне становится не по себе.

Через дорогу размещался филиал «ААА».² Руководил им парень, которого я хорошо знал еще со времен моей службы в «Геральд». Звали его Эд Маршалл. Я пересек улицу и зашел в контору.

Маршалл сидел за письменным столом и читал журнал.

– О господи! – воскликнул он, вскочив на ноги. – Как дела, Хэрри?

– Порядок, – ответил я и пожал ему руку. Его сердечность радовала: большинство моих так называемых друзей старались поскорее отделаться от меня, когда я заглядывал к ним, но Маршалл был славный малый, мы всегда с ним ладили.

Я присел на край его стола и протянул ему пачку сигарет.

– Бросил, – покачал он головой. – Боюсь рака легких. Как чувствуешь себя на воле?

– Нормально, – сказал я. – Привыкнуть можно ко всему, даже к свободе.

Мы поболтали о том о сем с десяток минут, пока я не перешел к истинной причине, которая привела меня сюда.

– Скажи мне, Эд, кому принадлежит серебристо-серый «роллс-ройс»? Номер СХХІ.

² Американская автомобильная ассоциация. (Примеч. переводчика.)

– Ты, наверно, говоришь об автомобиле мистера Мальру.

– Да? Это его номер?

– Совершенно верно. Сказка, а не машина.

И тут меня словно обухом по голове ударили.

– Уж не *Феликса* ли Мальру ты имеешь в виду?

– Именно его.

– Разве он живет в Палм-Бэй? Я думал, он в Париже.

– Он купил тут дом пару лет назад. Здешний климат ему полезен.

Я чувствовал, как колотится мое сердце, и с трудом скрывал волнение.

– Мы говорим об одном человеке? Мальру – король цинка и меди? Один из богатейших людей на земле?

Маршалл кивнул:

– Он самый. Насколько мне известно, он тяжело болен. Я не согласился бы поменяться с ним местами ни за какие деньги.

– Что с ним?

– Рак легких. Никто не в силах ему помочь.

Я посмотрел на свою сигарету и потушил ее.

– Вот несчастье. Так он приобрел здесь землю?

– Да. Он купил Восточный Берег, который раньше принадлежал Айре Крэнли. Мальру практически все там перестроил. Место удивительное: свой причал, свой пляж, свой бассейн – все свое.

Я хорошо помнил дом Айры Крэнли. Нефтяной магнат построил его на самом краю залива. Финансовые затруднения вынудили Крэнли продать владение. Торги шли во время моего суда. Я так и не узнал, кому оно досталось.

Пораженный услышанным, я закурил сигарету.

– Значит, «роллс» – его?

– Одна из десяти его машин.

– Красавица. Хотел бы я иметь такую.

Маршалл кивнул своей лысеющей головой:

– Я тоже.

– Что за женщина водит этот «роллс»? Я ее плохо разглядел. Блондинка в больших солнцезащитных очках.

– Это миссис Мальру.

– Его жена? Она не похожа на старуху. На мой взгляд, ей около тридцати трех. Мальру не прогадал. Его имя знакомо мне с детства. Ему должно быть под семьдесят, если не больше.

– Около того. Это его второй брак. Он влюбился в эту женщину в Париже. Забыл, кто она такая, кажется, киноактриса. «Геральд» много шуму подняла вокруг ее имени.

– А что случилось с его первой женой?

– Погибла в автокатастрофе года три назад.

– Так Мальру здесь из-за своей болезни?

– Да. Его жене и дочери тоже нравится в Калифорнии, местный климат считается полезным для здоровья. Только все это пустое: судя по слухам, его уже ничто не спасет.

– Так у него есть дочь?

Маршалл поднял вверх большой палец.

– Точно. От первого брака. Еще девчонка, восемнадцать лет, просто конфетка.

Он подмигнул мне:

– Я предпочел бы ее «роллс-ройсу».

– Ну вот! А я считал тебя добропорядочным семьянином.

– Я и есть добропорядочный семьянин, но надо видеть Одетту Мальру. В ее присутствии и у трупа появятся нескромные помыслы.

– Пока разговор не зашел дальше нескромных помыслов, – сказал я и соскочил со стола, – я ухожу. И так задержался.

– Почему ты интересуешься Мальру, Хэрри?

– Ты меня знаешь – я видел женщину и автомобиль. Мне стало любопытно.

Я понял, что не убедил его, но он не стал допытываться.

– Если тебе понадобится временная работа, Хэрри, – смущенно произнес он, – мы нанимаем людей для счета машин в транспортном потоке. На десять дней, начиная с завтрашнего. Пятьдесят долларов в неделю. Подходит?

Я и секунды не колебался.

– Благодарю, Эд, но мне уже кое-что подвернулось, – улыбнулся я. – Все равно спасибо.

В автобусе, по дороге домой, я перевернул в голове информацию, полученную от Маршалла. Она меня заинтриговала.

Жена одного из богатейших людей мира собирается предложить мне работу. В этом я не сомневался. Завтра она позвонит. С долей риска, она сказала. Что ж, ради больших денег я готов рискнуть.

Я ехал в автобусе вдоль побережья и насвистывал себе под нос.

Впервые после тюрьмы мне хотелось насвистывать.

Я возвращался к жизни.

II

На следующее утро, часов в девять, я отправился в редакцию «Геральд».

Нина сказала мне, что ей надо отвезти готовую продукцию и вернется она не раньше полудня. Это меня устраивало. Если жена Мальру действительно позвонит, я буду дома один. Я не собирался посвящать Нину в это дело, не выяснив, в чем состоит работа.

Я зашел в справочную комнату «Геральд». Там сидели две девушки. Я не видел их раньше, и они тоже не знали меня. Я попросил одну из них дать мне январскую подшивку «Геральд» двухлетней давности.

Я быстро нашел то, что искал. Оказалось, что Феликс Мальру женился на Реа Пессари через пять месяцев после смерти первой жены. Реа Пессари танцевала в варьете парижского ресторана «Лидо». После бурного ухаживания, длившегося не более недели, Мальру сделал предложение, которое она приняла. Без сомнения, она выходила замуж не столько за Мальру, сколько за его деньги.

Я вернулся домой и присел в ожидании. Ровно в одиннадцать зазвенел телефон. Еще не подняв трубку, я понял, что это она.

– Мистер Барбер?

– Да, – ответил я.

– Мы с вами вчера встречались.

Я решил, что пора поставить ее на место.

– Конечно, миссис Мальру, в баре у Джо.

Я достиг цели. Она замолчала. Может быть, это было игрой воображения, но мне послышалось, что она от удивления сделала резкий вдох.

– Вы знаете Ист-Бич, где стоят пляжные домики?

– Да.

– Я хочу, чтобы вы сняли домик – крайний слева. Жду вас там в девять вечера.

– Хорошо, я сниму домик и приду к девяти, – сказал я.

Несколько мгновений я слушал ее дыхание, затем она сказала:

– Значит, сегодня в девять вечера.

Я положил трубку и зажег сигарету. Меня охватило возбуждение. Ситуация интриговала меня. *Элемент риска. Интересно, что ей надо. Может, она попала в лапы шантажиста. Или хочет, чтобы я помог ей избавиться от наскучившего любовника. Я пожал плечами. Что толку гадать?*

Я посмотрел на часы. Десять минут двенадцатого. Я еще успею до прихода Нины съездить на автобусе на Ист-Бич, арендовать домик и вернуться обратно.

Я отправился туда. Домиками распоряжался Билл Холден, широкоплечий мускулистый крепыш, служивший по совместительству еще и спасателем.

Пляжные домики на Ист-Бич весьма комфортабельны. При желании в них можно даже спать. Они стояли в ряд вдоль моря, и я видел, что сейчас большая их часть занята.

Холден знал меня. Когда я подошел, он улыбнулся:

– Хелло, мистер Барбер. Рад вас видеть.

– Взаимно.

Я поздоровался с ним за руку.

– Хочу снять домик. Крайний слева. Он мне понадобится в девять часов вечера. Это возможно?

– Мы закрываем в восемь, мистер Барбер, – сказал он. – Здесь никого не будет, но вы можете воспользоваться домиком. На этой неделе никто не остается на ночь, поэтому я ухожу. Идет?

– Хорошо. Оставьте ключ под ковриком. Рассчитаюсь с вами утром.

– Как скажете, мистер Барбер.

Я оглядел переполненный пляж. Песок был усеян почти голыми телами.

– Похоже, дела у вас идут неплохо, – сказал я.

– Держусь на плаву, хотя погода оставляет желать лучшего. Круглосуточная аренда, похоже, провалилась. Если не потеплеет, придется расстаться с этой идеей. Что толку торчать тут после восьми, если все равно никого нет. Как ваши дела, мистер Барбер?

– Не жалуюсь. Ну ладно, приду вечером. Увидимся утром.

По дороге домой я ломал голову, что сказать Нине. Как я объясню мое вечернее отсутствие? Наконец я решил сказать ей, что по вечерам работаю у Эда Маршалла, определяю интенсивность транспортного потока для «ААА».

Когда я заявил ей это, она так обрадовалась, что мне стало стыдно.

– Лучше уж работать за пятьдесят долларов в неделю, – сказал я, – чем болтаться без дела.

Вечером, в половине девятого, я вышел из дома и направился в гараж. Наш старенький «паккард» держался на честном слове. Мотор завелся после долгих уговоров, и я сказал себе: получу деньги за эту работу – первым делом сменю машину.

Я приехал на Ист-Бич в восемь часов пятьдесят семь минут. Берег был пуст. Я взял ключ из-под коврика и отпер дверь.

Домик, оборудованный кондиционером, состоял из гостиной, спальни, ванной и кухоньки. Имелись там телевизор и радиоприемник, телефон и бар. На одной из полок бара стояли бутылка виски и бутылка минеральной. Все было на уровне.

Я выключил кондиционер, открыл окна и дверь, потом сел на веранде в одно из плетеных кресел.

Лишь мерный шелест морских волн нарушал тишину безлюдного берега. Я порядком волновался, пытаюсь угадать, что за работу хочет дать мне эта женщина и сколько я получу.

Прошло двадцать пять минут. Я уже решил, что она не придет, и тут из темноты появилась миссис Мальру. Я не слышал, как она подъехала. Я сидел, собираясь закурить третью сигарету, и вдруг почувствовал какое-то движение. Я поднял глаза. Она стояла передо мной.

– Добрый вечер, мистер Барбер, – сказала она, и не успел я пошевелиться, как миссис Мальру села в плетеное кресло возле меня. Часть ее лица скрывал от моего взгляда накинутый на голову шелковый платок. На ней было темно-красное летнее платье. На правом запястье висел массивный золотой браслет.

– Я о вас многое знаю, – сказала она. – Человеку, отказавшемуся от десяти тысячной взятки и сотрудничества с гангстерами, мужества не занимать. Мне нужен мужественный парень.

Я молчал.

Она закурила сигарету. Я чувствовал на себе ее взгляд. Она сидела в тени. Мне захотелось увидеть выражение ее глаз.

– Вы ведь любите риск, верно, мистер Барбер?

– С чего вы это взяли?

– Когда вы брали мои деньги, вам грозило по меньшей мере шесть лет тюрьмы.

– Я был пьян.

– А сейчас вы готовы рискнуть?

– Все зависит от суммы, – ответил я. – Скажу прямо – мне нужны деньги, просто необходимы, но это должны быть настоящие деньги, а не жалкие крохи.

– Если вы сделаете то, о чем я вас попрошу, вы получите пятьдесят тысяч.

Мне словно кулаком заехали в солнечное сплетение.

– Пятьдесят тысяч. Вы имеете в виду *пятьдесят тысяч долларов*?

– Да. Это немало, верно? Я заплачу вам столько, если вы выполните мое задание.

Я сделал медленный глубокий вдох.

Пятьдесят тысяч долларов! Мое сердце затрепетало при мысли о такой сумме.

– И что я должен сделать?

– Вы, кажется, заинтересовались, мистер Барбер. Вы готовы рискнуть ради этих денег?

– Я готов пойти на большой риск.

Я подумал о том, как смог бы употребить эти деньги. Мы с Ниной уехали бы из Палм-Сити и начали бы новую жизнь.

– Прежде чем мы продолжим разговор, мистер Барбер, – сказала она, – мне следует честно признаться, что лично я располагаю лишь теми средствами, которые выдает мне муж. Он считает, мы с его дочерью в состоянии обходиться теми суммами, которыми он снабжает нас. Для благоразумного человека это приличные деньги, но так уж случилось, что мы обе – и я, и моя падчерица – не относимся к числу благоразумных людей.

– Если у вас нет денег, зачем вы предлагаете мне пятьдесят тысяч долларов? – сказал я раздраженно.

– Я могу научить вас, как их достать.

Мы уставились друг на друга.

– Тогда скажите – что мне придется делать?

– Нам с моей падчерицей нужно четыреста пятьдесят тысяч долларов. Их надо получить в двухнедельный срок. Я надеюсь, что вы нам в этом поможете, и тогда вы получите пятьдесят тысяч долларов.

Я внимательно посмотрел на нее и решил, что она вполне нормальна. Более того, я не встречал женщины, которая выглядела бы более психически здоровой.

– Но что от меня требуется?

Торопить ее было бесполезно.

– Разумеется, моему мужу не составило бы труда предоставить нам эти деньги, – сказала она. – Естественно, он захотел бы узнать, зачем нам такая сумма, а мы не хотим ему это объяснить.

Она стряхнула пепел с сигареты, умолкнув на мгновение.

– Но с вашей помощью мы можем получить деньги моего мужа, не отвечая на щекотливые вопросы.

Мое возбуждение начало убывать. Тут что-то не так. Я насторожился.

– Зачем вам такие деньги? – спросил я.

– Вы ловко узнали, кто я такая.

– Это мог узнать и дебильный ребенок. Если хотите оставаться инкогнито, не разъезжайте в этом «роллсе». Вас шантажируют?

– Это вас не касается. У меня есть идея, как раздобыть эти деньги, но мне нужна ваша помощь, поэтому я готова заплатить вам пятьдесят тысяч долларов.

– Которых у вас нет.

– При вашем содействии они у меня появятся.

Все это нравилось мне меньше и меньше.

– Перейдем к делу. Что у вас за идея?

– Надо похитить мою падчерицу, – бесстрастно сообщила она. – Выкуп составит пятьсот тысяч долларов. Вы получите десять процентов. Остальное поделим мы с падчерицей.

– Кто совершит похищение?

– Да никто. Одетта куда-нибудь уедет, а вы потребуете выкуп. Для этого вы и нужны. Вы будете грозным голосом в телефонной трубке. Замысел прост, но исполнить все надо безукоризненно. И телефонный звонок, и получение выкупа. Предлагаю вам пятьдесят тысяч.

Что ж, теперь кота вынули из мешка. У меня пересохло во рту.

За киднеппинг законом предусмотрена смертная казнь. Если я займусь этим делом, мне следует быть предельно осторожным. В случае провала – газовая камера.

Ее идея была не менее опасной, чем убийство, – она могла стоить жизни.

Глава третья

I

Маленькое облачко закрыло луну. С минуту море казалось холодным, пляж потемнел и стал неуютным. Затем облачко уплыло, вода снова посеребрилась, берег залило светом.

Реа Мальру смотрела на меня.

– Другого шанса раздобыть такую сумму нет, – сказала она. – Только киднеппинг. Это единственный способ заставить моего мужа расстаться с деньгами. Все очень просто. Надо только продумать детали.

– Похищение карается смертной казнью, – заметил я. – Это вы учли?

– Но ведь на самом деле никто не будет похищен, – возразила она, вытягивая свои красивые длинные ноги. – Предположим, нас постигла неудача. Я открываю мужу правду, и на этом все кончается.

Все это звучало не слишком убедительно.

Но в глубине моего сознания уже засела мысль о пятидесяти тысячах долларов. Возможно, говорил я себе, если все просчитать и проработать самостоятельно детали, эти деньги и вправду достанутся мне.

– Вы хотите сказать, ваш муж просто посмеется и ограничится тем, что назовет вас и свою дочь гадкими девчонками? А то, что я позвонил ему, сообщил о похищении дочери и потребовал выкуп, не будет иметь значения и он отнесется к этому как к шутке? Вы полагаете, он скажет агентам ФБР, что это просто розыгрыш его жены, устроенный с целью выманить у него пятьсот тысяч?

После продолжительного молчания она произнесла:

– Мне не нравится ваш тон, мистер Барбер. Вы слишком развязны.

– Извините, но я когда-то был газетчиком. Наверно, я лучше вас представляю, какую шумиху поднимет пресса во всем мире по случаю похищения дочери Феликса Мальру. Это будет новое дело Линдберга.

Она пошевелилась в кресле, и я увидел, что ее пальцы сжались в кулаки.

– Вы преувеличиваете опасность. Я не позволю мужу обратиться в полицию.

Голос ее звучал резко и раздраженно.

– Все произойдет так. Одетта исчезает. Вы звоните мужу по телефону и сообщаете, что она похищена. Ее вернут, если муж заплатит пятьсот тысяч долларов. Он их заплатит. Вы забираете деньги, и Одетта возвращается. Вот и все.

– Вы надеетесь, что этим все завершится, – сказал я.

Она сделала нетерпеливое движение.

– Я знаю, что этим все завершится, мистер Барбер. Вы же сказали, что ради солидных денег готовы пойти на риск. Если сумма кажется вам маленькой, так и скажите, я найду кого-нибудь другого.

– Найдете ли? – сказал я. – Не обманывайте себя. На это уйдет немало времени. Не нравится мне ваша идея. Всякое может случиться. Допустим, вопреки вашим заверениям, муж обратится в полицию. А уж там не успокоятся, пока кого-нибудь не арестуют. Скорее всего, меня.

– До полиции дело не дойдет. Я в состоянии управлять мужем.

Я подумал о престарелом миллионере, медленно умирающем от рака. Возможно, он потерял былую хватку. Возможно, она права и ей удастся уговорить его расстаться с пятью сотнями тысяч долларов без борьбы. Возможно...

Мысль о том, что в случае удачи пятьдесят тысяч – мои, погасила неожиданный укор совести.

– Ваша падчерица согласна?

– Конечно. Ей деньги нужны не меньше, чем мне.

Я запустил окурком сигареты в темноту.

– Предупреждаю вас, – сказал я, – если в дело вмешаются агенты ФБР, нам несдобровать.

– Я прихожу к заключению, что вы не тот человек, какого я ищу, – заявила она. – Кажется, мы напрасно тратим наше время.

Мне бы согласиться и позволить ей раствориться во мраке так же бесшумно, как она появилась, но мысль о пятидесяти тысячах долларов прочно засела в моей голове. Сумма заворожила меня. Я понял, сидя под луной, что, если бы комиссар полиции выложил на стол пятьдесят тысяч долларов новенькими хрустящими купюрами, я бы не устоял. Я с ужасом осознал, что способен устоять перед десятью тысячами, но не перед пятьюдесятью.

– Я только предупрежу вас, – сказал я. – За решеткой нам троим придется несладко.

– Сколько раз твердить вам одно и то же? Подобный исход исключен.

Ее голос звучал раздраженно, нетерпеливо.

– Могу я рассчитывать на вас или нет?

– Вы изложили пока только голую схему. Объясните, что я должен делать, подробнее, – сказал я, – тогда я смогу принять решение.

– Одетта исчезает. Вы позвоните мужу, – недовольным тоном произнесла она. – Скажете ему, что ее похитили и вернут после того, как он заплатит пятьсот тысяч долларов. Я заставлю его поверить в то, что в случае отказа она погибнет. Вы должны сыграть убедительно, в этом я на вас полагаюсь.

– Вашего мужа легко напугать? – спросил я.

– Он очень любит свою дочь, – спокойно ответила она. – В подобной ситуации его напугать несложно.

– Что я делаю потом?

– Вы организуете получение денег. Забрав их, оставляете себе свою долю, а остальное передаете мне.

– И вашей падчерице, конечно.

После паузы она сказала:

– Да, конечно.

– Это звучит убедительно, – сказал я. – Тут только одна шероховатость. А вдруг вы знаете мужа хуже, чем вам кажется? Он может не испугаться и позвонить в полицию. Человек, сколотивший такое состояние, отнюдь не слабак. Это вы учли?

– Я же вам сказала – я с ним справлюсь.

Она сделала затяжку, и тлеющий кончик сигареты осветил ее блестящие яркие губы.

– Он болен. Два-три года назад все это было бы нереально. Тяжелобольной человек, мистер Барбер, не способен сопротивляться, когда кто-либо из его близких в опасности.

Я содрогнулся от мысли, что Господь мог даровать мне в жены такую женщину.

– Наверно, в подобных вещах вы разбираетесь лучше моего, – сказал я.

Она снова выдержала паузу. Я почувствовал враждебность в ее взгляде.

– Ну? Согласны вы или нет?

Я снова подумал о пятидесяти тысячах долларов. Бросаться в это дело очертя голову не стоило, но при тщательно разработанном плане оно могло выгореть.

– Мне надо подумать. Я дам вам окончательный ответ завтра.

Она поднялась, вынула из сумочки несколько купюр и бросила их на столик, разделявший нас.

– Это на аренду коттеджа и прочие расходы. Я вам позвоню.

Она ушла так же бесшумно, как и появилась, исчезнув в темноте, словно привидение.

Я взял со столика деньги. Там было сто долларов десятками. Держа их в руках, я мысленно умножил сумму на пять тысяч.

Часы показывали десять минут одиннадцатого. До возвращения домой я располагал еще парой часов. Уставившись на залитое лунным светом море, я обдумывал ее предложение со всех сторон, в первую очередь оценивая степень риска.

В начале первого решение во мне созрело. Оно было нелегким, но обещанная мне сумма производила впечатление. Располагая такими деньгами, мы с Ниной могли начать новую жизнь.

Я решил принять предложение, но исключительно на моих условиях.

Следующим утром я спозаранку отправился в коттедж. Биллу Холдену я сказал, что хочу продлить аренду еще на день, а может и дольше, и заплатил за два дня.

Я просидел возле коттеджа до десяти часов, а потом зашел внутрь и расположился у телефона. Аппарат зазвенел ровно в одиннадцать. Я поднял трубку.

– Барбер слушает, – сказал я.

– Да или нет?

– Да, но есть условия. Я хочу поговорить с вами и третьей стороной. Приходите сюда к девяти вечера.

Я не дал ей возразить, опустив трубку. Я хотел внушить ей, что отныне инициатива перешла ко мне и останется у меня впредь.

Телефон снова зазвонил, но я не поднял трубку. Выйдя из коттеджа, я запер дверь.

II

Аппарат в домике не умолкал. Я направился к месту, где стоял «паккард».

Я вернулся в коттедж в седьмом часу. Из дома я прихватил с собой кое-что. К счастью, Нина отсутствовала, иначе она могла поинтересоваться, зачем мне понадобился длинный электрический шнур, набор инструментов и магнитофон, купленный мною в период работы в «Геральд» и сохраненный ею.

Два часа, проведенные прошлой ночью в обдумывании плана Реа Мальру, оказались плодотворными. Я быстро понял, что главное условие моей безопасности – это гарантия того, что ни Реа, ни ее падчерица не подставят меня в случае провала, а сами умоют руки. Я решил втайне от них записать на пленку наш сегодняшний разговор: если Мальру и правда обратится в полицию, этой парочке не удастся отвертеться, свалив все на меня.

Я спрятал магнитофон в стенной шкаф в спальне. Аппарат работал почти беззвучно, но, оставив его в гостиной, я все же мог насторожить их шумом. Я проделал маленькую дырочку в деревянной стенке и вывел через нее шнур питания. Провод я подсоединил к выключателю освещения гостиной и убедился, что при зажигании лампы магнитофон начинает работать.

Несколько минут я искал место, где лучше спрятать микрофон, пока наконец не приладил его под небольшим столиком в углу комнаты, куда звук разговора доносился беспрепятственно из любой точки.

Единственным осложнением мог послужить их отказ зайти в коттедж или нежелание сидеть при свете. Я решил, что смогу заманить их в домик, сославшись на то, что на открытом воздухе нас может заметить случайный прохожий. Если они потребуют убрать свет, я погашу его кнопкой, размещенной непосредственно на лампе, а не настенным выключателем.

На пляже еще были люди, но их оставалось все меньше и меньше. Через час побережье опустеет.

Я собирал свои инструменты, когда раздался стук в дверь. Поглощенный работой, я оторопел от неожиданности. Я испуганно уставился на дверь. Затем спрятал инструменты под подушку, прошел к двери и открыл ее.

Передо мной стоял Билл Холден.

– Извините за беспокойство, мистер Барбер, – сказал он. – Мне надо знать, понадобится ли вам коттедж завтра. Меня спрашивают насчет него.

– Я хотел бы сохранить его за собой на неделю. Пишу сейчас серию статей, здесь прекрасные условия для работы. Если не возражаете, я рассчитаюсь с вами в конце недели.

– Конечно, мистер Барбер. До конца недели домик в вашем распоряжении.

Когда он отвалил, я вынул набор с инструментами, запер его и направился к «паккарду». Дома мне появляться не хотелось, и я проехал по дороге полмили до ресторана, где подавали дары моря. Когда я приступил к еде, мои наручные часы показывали двадцать минут девятого.

За окном смеркалось.

Я вернулся к коттеджу. Пляж обезлюдел. Фары я не включал. В домике работал кондиционер. Я хотел, чтобы к приходу гостей там установилась приятная прохлада. На веранде было жарко, но я сел там в кресло, ослабив галстук.

Я порядком волновался, думал, не опоздает ли Реа, гадал, как выглядит ее падчерица Одетта.

Еще я размышлял о том, хватит ли у них хладнокровия для осуществления моего плана.

В начале десятого я услышал шорох и слева, в трех шагах от веранды, увидел Реа. Она была одна.

Я встал.

– Добрый вечер, мистер Барбер, – сказала она, направляясь к свободному креслу.

– Давайте зайдем внутрь, – предложил я. – Нас не должны видеть вместе.

Я распахнул дверь коттеджа и зажег свет.

– Где ваша падчерица?

Реа зашла в комнату, и я прикрыл дверь.

– Скоро подойдет, я полагаю, – безразличным тоном произнесла она и уселась в кресло.

На ней было бледно-голубое платье без рукавов. Стройные ноги были обуты в пляжные туфли без каблуков. Она сняла платок, покрывавший голову, и, резко мотнув ею, распустила покрашенные в песочный цвет волосы. Реа по-прежнему носила зеленые солнцезащитные очки. Она не сняла их.

– Я пальцем не пошевелю до разговора с ней, – сказал я. – Хочу убедиться в том, миссис Мальру, что она знакома с вашей идеей и одобряет ее.

Реа метнула в меня недовольный взгляд.

– Конечно одобряет, – сказала она. – На что вы намекаете?

– Я желаю услышать это из ее уст, – сказал я, сел и продолжил исключительно для магнитофона: – Мое желание вполне естественно. Вы заявляете мне, что вместе со своей падчерицей планируете разыграть ее похищение. Вам обоим срочно потребовались четыреста пятьдесят тысяч долларов. Единственный способ получить эту сумму от вашего мужа – это имитировать киднеппинг. За мое содействие вы обещаете мне пятьдесят тысяч.

Сделав паузу, я снова заговорил:

– Киднеппинг карается смертной казнью. Я хочу быть абсолютно уверен в том, что ваша падчерица знает, что делает.

– Конечно знает... она не ребенок, – нетерпеливо сказала Реа.

– Вы убеждены, что ваш муж не заявит в полицию? – спросил я.

Она забарабанила пальцами по подлокотнику кресла.

– У вас природный дар трогать попусту время, – сказала она. – Мы это уже обсуждали, не так ли?

Я был удовлетворен. После этой короткой беседы в случае неприятностей ей не удастся разыграть удивленную невинность.

Я взглянул на часы: половина десятого.

– До разговора с вашей падчерицей я не обсуждаю это дело и не занимаюсь им, – сказал я.

Реа зажгла сигарету.

– Я попросила ее прийти, но она редко меня слушается. Не силой же мне было ее сюда тащить? – сказала миссис Мальру.

Я услышал чьи-то шаги.

– Может, это она, – сказал я. – Посмотрю.

Я прошел к двери и открыл ее.

Внизу, возле ступеней веранды, стояла девушка. Она смотрела на меня.

Несколько секунд мы не спускали глаз друг с друга.

– Привет, – сказала она и улыбнулась.

Одетта Мальру была миниатюрна и прекрасно сложена. Легкий белый кашемировый свитер и джинсы, расцветка которых напоминала шкуру леопарда, подчеркивали ее формы. Волосы цвета вороного крыла, как у Нины, разделенные посередине пробором, эффектно спадали на плечи. Мертвенно-бледного оттенка лицо сужалось к подбородку. На вид ей могло быть от семнадцати до двадцати пяти лет. У нее были голубовато-серые глаза, маленький вздернутый носик, небрежно покрашенный малиновой помадой рот. Она казалась олицетворением развращенной молодости. Подобные экземпляры – дерзкие, непокорные, во всем разочарованные, сексуально распушенные, не имеющие цели в жизни – частые гости в судах по делам несовершеннолетних.

– Мисс Мальру?

Она усмехнулась, потом стала медленно подниматься по ступенькам.

– Вы, должно быть, и есть Али-Баба. А где же сорок разбойников?

– Заходи, Одетта, – позвала ее Реа. – Побереги остроумие для своих дебильных приятелей.

Девушка наморщила носик, скорчила гримаску, потом подмигнула мне. Вызывающей походкой она прошла в коттедж.

Ее аккуратные маленькие ягодицы вихляли из стороны в сторону.

Я прикрыл дверь и вспомнил о магнитофоне. Пленки хватало на сорок минут. Если я хочу записать весь разговор, мне следует поторопиться.

– Здравствуй, дорогая Реа, – сказала Одетта, плюхаясь в кресло, стоящее рядом с моим. – Правда, он симпатяга?

– Заткнись! – оборвала ее Реа. – Послушай, что тебе скажет мистер Барбер.

Девушка посмотрела на меня и взмахнула ресницами. Затем подтянула под себя ноги, положила одну руку на бедро, а о вторую оперлась щекой и придала своему лицу насмешливо-внимательное выражение.

– Я вас слушаю, мистер Баба.

Я заглянул в ее серо-голубые глаза. Подростковое позерство не обмануло меня ни на миг. Глаза ее выдавали. Это были глаза несчастной, заблудшей девушки, неуверенной в себе, знающей, что она сбилась с пути, но не находящей в себе сил вернуться на правильную дорогу.

– Я хочу послушать тебя, – сказал я. – Ты поддерживаешь идею похищения?

Девушка быстро перевела взгляд с Реа на меня.

– Поддерживаю ли я идею похищения?

Она захихикала:

– Нет, правда, он прелесть, дорогая Реа? Да, конечно поддерживаю. Мы с дорогой Реа придумали это вместе. Идея потрясная, правда?

– Да?

Я взглянул на нее:

– Твой отец может посмотреть на дело иначе.

– Вас это не касается, – сказала Реа. – Теперь, если вы удовлетворены, перейдем к обсуждению.

– Ну что ж, поговорим, – сказал я. – Когда начнем операцию?

– Как только будем готовы – возможно, послезавтра, – сказала Реа.

– Мисс Мальру исчезнет – но куда?

– Называйте меня Одеттой, – сказала девушка, выставляя вперед грудь для моего обозрения. – Мои друзья зовут меня так...

Не слушая ее, Реа сказала:

– В Кармеле есть маленькая тихая гостиница. Одетта может отправиться туда и провести там три-четыре дня – больше не понадобится.

– Как она туда доберется?

Реа нервно дернулась.

– У нее есть автомобиль.

– Чудо, а не машина, – добавила Одетта, – «Триумф TR-3». Летает как птица...

– С такой машиной трудно остаться незамеченной, – возразил я. – Местные жители тебя, наверно, хорошо знают.

Она немного растерялась и сказала:

– Да, вероятно.

Я посмотрел на Реа:

– Больше вы никого не собираетесь посвящать в наши планы?

Она нахмурилась:

– Нет, конечно.

– Неужели тебе так легко взять и исчезнуть? – спросил я Одетту. – У тебя есть друзья?

Как насчет прислуги?

Она пожала узкими плечами:

– Я часто уезжаю.

Я посмотрел на Реа:

– Будь я на месте вашего мужа, если бы мне сообщили о том, что моя дочь похищена и потребовали за нее выкуп в пятьсот тысяч долларов, я бы не стал спешить с передачей денег. В вашем плане отсутствует создание атмосферы. Я бы подумал: а не разыгрыш ли это?

Я потушил сигарету и продолжил:

– Я бы обратился в полицию.

– Многое зависит от того, насколько убедительно вы сыграете свою роль, – сказала Реа. – За это я вам и плачу.

– Я сыграю роль убедительно, – сказал я, – но допустим, он все же позвонит в полицию.

Как вы поступите в этом случае? Скажете ему, что это шутка? Признаетесь, что вы двое решили немного развлечься? Или будете молчать – в надежде, что я получу с него деньги, а полиция не нападет на наш след?

– Я же вам сказала... – сердито начала она.

– Помню, – сказал я, – но я не обязан вам верить. Если в игру вступят полицейские, сумеете ли вы их остановить? Захотите ли продолжить операцию в том случае, если вы не сможете это сделать?

– Мы продолжим операцию, – сказала Одетта. – Нам нужны деньги!

В голосе девушки появилась неожиданная жесткость, заставившая меня пристально посмотреть на Одетту. Ее лицо отражало решимость, она глядела не на меня, а на Реа.

– Да, – сказала Реа, – нам нужны деньги. Повторяю в сотый раз – полиция не будет нас искать.

– Гораздо разумнее предположить противное, – сказал я. – Хорошо, допускаю, что ваш муж передаст нам выкуп, но после возвращения дочери он практически наверняка все расскажет полиции, и они начнут расследование. Человек, наживший такое состояние, не может быть дураком. Откуда вам известно, что он не пометит банкноты? Какой вам от них будет прок, если вы не посмеете их тратить?

– Я прослежу за тем, чтобы он этого не сделал, – сказала Реа. – Не стоит об этом волноваться.

– Да? Хотел бы я разделять вашу уверенность.

– Мой муж тяжело болен, – сухо сказала Реа. – Он делает то, что я ему велю.

Я перевел взгляд с миссис Мальру на Одетту и почувствовал холодок, пробежавший по спине. Обе они уставились на меня. Одетта скинула маску маленькой девочки. Внезапно она показалась мне такой же безжалостной, как Реа.

– Я все же буду исходить из предположения, что ваш муж вступит в контакт с полицией, – сказал я. – Если вам не понравится мой план, скажите мне, и я выйду из игры.

Рео опустила кулаки на колени. Одетта грызла ногти, не спуская с меня глаз.

Я обратился к ней:

– Сегодня вторник. Мы успеем подготовиться к субботе. Я хочу, чтобы ты договорилась с подружкой пойти в кино в субботу вечером. Сможешь это организовать?

Я прочел удивление в ее глазах. Она кивнула.

– Ты пообедаешь дома и скажешь отцу, куда собираешься. Наденешь на себя что-нибудь броское, чтобы люди замечали тебя и узнавали. Назначишь подружке свидание на восемь часов, но не придешь. Поедешь в «Пиратскую хижину». Это ресторан с баром в двух милях отсюда. Знаешь его?

Она снова кивнула.

– Поставишь машину на стоянку и зайдешь в бар выпить. В это время там будет полно посетителей. Я думаю, своих друзей ты там не встретишь. Верно?

– Абсолютно верно, – подтвердила она. – Они в такие заведения не ходят.

– Так я и думал. Я хочу, чтобы тебя там запомнили. Пролей напиток или привлеки к себе внимание другим способом. Через пять минут выйди. Смотри, чтобы никто за тобой не увязался. Мой автомобиль будет на стоянке. Убедившись, что за тобой не следят, сядешь ко мне в машину. Там найдешь новую одежду и рыжий парик. Переоденешься. Пока ты будешь менять наряд, я отгоню твою машину на стоянку в Лоун-Бэй. Ты поедешь за мной. Я оставлю твою машину на стоянке. Вполне вероятно, что ее не обнаружат до того момента, когда она снова нам понадобится. Ты заберешь меня, и я отвезу тебя в аэропорт. Я закажу билет до Лос-Анджелеса. Там тебе будет забронирован номер в гостинице. Ты скажешь портюе, что нездорова, попросишь подавать еду в номер и не покинешь его до тех пор, пока я не прикажу тебе вернуться. Все поняла?

Она кивнула и перестала грызть ногти. Вид у нее был заинтригованный.

– Все это совершенно лишнее, – сказала Реа. – Если она отправится в гостиницу в Кармеле...

– Нужны вам эти деньги или нет? – перебил ее я.

– Сколько раз можно повторять одно и то же? – рассердилась она. – Я же сказала – нужны!

– Тогда слушайте меня – и вы их получите!

– По-моему, он просто прелесть, – сказала Одетта. – Я исполню любой ваш приказ, Хэрри... Можно мне называть вас Хэрри?

– Называй меня как хочешь, только делай то, что тебе велят, – сказал я ей и обратился к Реа: – Посадив Одетту в самолет, я звоню вашему мужу. Он – персона важная. Соединят ли меня непосредственно с ним?

– Вам ответит его секретарь. Если вы скажете, что хотите побеседовать с моим мужем о дочери, секретарь спросит его, будет ли он говорить. Я буду находиться рядом и прослежу за тем, чтобы он взял трубку.

– Я надеюсь также, что к тому времени подруга Одетты уже позвонит и спросит, где Одетта.

Я посмотрел на девушку:

– Как ты думаешь, она позвонит?

– Конечно, – сказала Одетта.

– Хорошо бы она позвонила. Это создаст нужную атмосферу. Тебя должны хватиться до моего звонка.

– Она позвонит, – сказала Одетта.

– Хорошо. Я скажу твоему отцу, чтобы он подготовил деньги за два дня и ждал дальнейших указаний, – заявил я и посмотрел на Реа. – Вы должны удержать его от какого-нибудь фортеля. Главное – чтобы банк не переписал номера купюр, а ФБР не пометило их. Как вам этого добиться, не знаю, но иначе ни вы, ни я не сможем тратить деньги.

– Беру это на себя, – заявила Реа.

– Надеюсь на вас. Через пару дней я позвоню снова. Ваш муж в состоянии самостоятельно доставить выкуп?

Она кивнула:

– Он не поручит такое дело другому человеку.

Я удивленно поднял брови:

– Даже вам?

Одетта захихикала, прикрыв рот ладошкой, глаза Реа сузились, лицо окаменело.

– Конечно, он доверяет мне, – сердито сказала Реа, – но он не захочет подвергать меня риску. Он не разрешит мне даже сопровождать его.

– Что ж, ладно.

Я прикурил новую сигарету.

– Я предложу ему выехать из дома в два часа ночи и направиться вдоль Ист-Бич-роуд. Поедет он на «роллс-ройсе». Дорога в это время пустынная. Деньги должны находиться в дипломате. Где-то на шоссе он заметит мигающий фонарь. Он выбросит деньги возле него и проследует дальше не останавливаясь. К этому моменту Одетта вернется сюда и будет ждать меня в коттедже. Я заберу свою долю и остальное отдам ей. Как вы распорядитесь деньгами, не мое дело, но советую не терять осторожности.

– Нет! – возразила Реа. – Я не согласна! Вы не должны отдавать ей деньги! Вы вручите их мне!

Одетта скинула ноги на пол. Ее бледное лицо перекошилось от злости.

– Почему бы ему не передать деньги мне? – пронзительным голосом спросила она.

– У меня к тебе доверия ни на грош! – отрезала Реа, сверкнув глазами. – Он отдаст их мне!

– Думаешь, я тебе доверяю? – жестко сказала Одетта. – Стоит деньгам попасть в твои лапы...

– Ну хватит! – вмешался я. – Мы зря тратим время. Есть лучший вариант. Я набросаю текст письма, которое Одетта пошлет отцу. Так все будет выглядеть более убедительно, и я избавлюсь от необходимости звонить в третий раз. Она объяснит ему, каким образом передать выкуп. Выполнив указание, он должен поехать на стоянку в Лоун-Бэй к якобы ожидающей его там дочери. Дорога займет у него полчаса. Вам хватит времени забрать деньги. Ну как?

– Но если папа не обнаружит меня на стоянке, он сможет обратиться в полицию.

Это была первая разумная мысль, высказанная кем-либо из них за вечер.

– Верно. Тогда в письме надо сообщить ему, что на стоянке в Лоун-Бэй он найдет записку с указанием места, где находится его дочь. Я оставлю бумажку в машине. Там будет написано, что ты уже дома. Годится?

Реа посмотрела на меня:

– Мы вынуждены доверить вам всю сумму, мистер Барбер.

Я усмехнулся:

– Если это обстоятельство вас беспокоит, не стоило обращаться ко мне. Если есть другие кандидатуры – бог в помощь.

Женщины переглянулись, затем Реа после недолгого колебания сказала:

– Если я буду присутствовать при разделе денег, вы меня устраиваете.

– То есть она хочет сказать, что вам она доверяет, а мне – нет, – заявила Одетта. – Чудесная у меня мачеха, правда?

– Она вынуждена верить мне, – сказал я. – Теперь расскажи мне, что с тобой произошло. Почему ты не встретила с подружкой около кинотеатра? Почему отправилась в «Пиратскую хижину»? Кто тебя похитил?

Она тупо уставилась на меня:

– Не знаю. Почему вы меня спрашиваете? Это ваша идея.

– Лучше все же тебе это знать. Твой отец спросит тебя. Ручаюсь, что после твоего возвращения он позвонит в полицию, и тебя станут допрашивать. Там работают профессионалы. Если они заподозрят неладное, они сумеют вытащить из тебя правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.